

Пушкин любил Псковский край горячий сыновней любовью. И эта любовь неотделима от большой любви поэта к Родине.

Но ты, губерния Псковская — теплица юных дней моих... Ты для меня страна родная...

— писал Пушкин в черновых строках «Евгения Онегина». Этими словами он выразил отношение к той земле, на которой жили его предки, где он сам провел немало замечательных дней, где окреп и начал его творческий гений. Именно здесь, в Святогорье, Пушкин постигал тайну русского народного духа и характера. Воспевание народа, его творческих сил и великого, прекрасного грядущего стало основой его литературной деятельности. Поэт мечтал о том, как красиво и счастливо развернется жизнь человека, когда будет уничтожено «гнусное рабство», эксплуатация и издевательство человека над человеком. Неоднократно Пушкин утверждал, что человек обязан жить на благо родины, на благо своего народа, для блага всего человечества, ведь счастье можно обрести только в самоотверженной борьбе за свободу. Так говорил он.

Глубоко осознав духовное и нравственное величие русского народа, силу и красоту поэтического творчества, Пушкин, находясь в здешней деревне, с особым вниманием всматривался в повседневную жизнь простых людей, вслушивался в их живую и меткую речь. Он не гнушался простой крестьянской избы. Входил в нее запросто. Приглашали его на крестьянскую свадьбу — шел с радостью. Просили быть «отцом крестным» — соглашался с удовольствием. По словам современника: «Пушкин не пропускал ни одного мужика или бабы, чтобы не поговорить с ними о хозяйстве, семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей». Он знал народные обычаи в совершенстве и чрезвычайно скоро умел располагать к себе

Семен Степанович Гейченко, директор Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Михайловском, член Союза писателей СССР. Вот уже несколько десятилетий он хранит и создает Михайловское, каждый камень, каждую травинку... Он приехал сюда поднимать заповедник из военных руин и остался навсегда. Работа его не прекращается ни на день, ни на час: Михайловское стараниями тех, кто служит ему, выглядит так, будто Пушкин ненадолго отлучился и сейчас войдет. О главном деле своей жизни — Пушкинском заповеднике, о том, как поднимался он из послевоенных руин, как вся страна помогала и помогает ему, хранит его, о великом поэте, всеми любимом и вечно живом, — рассказал Семен Гейченко во многих своих произведениях. Недавно вышла новая книга — «Пушкинское». «Книга — продолжение моих дум о Пушкине, Пушкинском Святогорье, Отечестве нашем», — говорит он. А вот что пишет о Гейченко известный советский писатель Юрий Бондарев: «Семен Степанович Гейченко в моем понимании и моем отношении ко всему, что им сделано в Пушкинском заповеднике, стоит в ряду удивительных, великих людей, которые украшают и возвышают духовно нашу жизнь».

Семену Степановичу в эти дни исполняется восемьдесят лет. Так нужно всем нам, чтобы он был здоров и бодр и тверд духом. Пушкинское и Гейченко в нашем сознании неделимы.

Только что опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Семену Степановичу звания Героя Социалистического Труда. Сегодня мы публикуем новый документальный рассказ Семена Степановича.

Семен
ГЕЙЧЕНКО

ЗДЕСЬ ПУШКИН ЖИЛ...

и добрейший. Кто его о чем попросит, никому отказа не было... А как увидит, девки навоз везут, — всем велит потом вокруг сойтись. Песни поют, а он слушает... Иль вот ребята землянику наберут, а он у них купит да им же и отдаст ту землянику. Скажет: «Ну, теперь вы землянику съешьте, детки; деньги за нее все равно заплочены...» Был он в те поры к нам прислан, под началом находился. И за что только его начальники притесняли, памжа их ведают. Да он их и не боялся никого. С жандармами дерзко разговаривал. А стариков-нищих, которые песни поют, отыскивал, да просил еще спеть, а сам эти песни в бумажку списывал... А про которого мужика узнает, что тот петь горазд, сейчас к нему. А ну, дедка, спой, спой. Ну тот и запоем... А Пушкин все слушает, слушает, да нет-нет и попишет. А мы в окошко зырк, зырк... и стрелача. Много по полям да по рощам гулял и к мужикам заходил все для разговора. Все по-русски, знамо, встречались люди, так неужто сопеть, разговоры разговаривать нужно, ну, он, значит, это и любил очень. Привелось мне при этом быть, как уезжал от нас наш Леонид Сергеевич... Осень только началась. И не чаял-то он своего отъезда... А никак не чаял. Вдруг откуда ни возьмись жандарм прет: «Подполковник вас к себе требуют», — арет. М-да! Вдруг глядь — сам исправник, а с ним и подполковник в тарантасе, да прямо к Пушкину. Принялся исправник у Пушкина парадону просить, а Леонид Сергеевич глянул этак лукаво, потом смягчился. «Ничего, — говорит, — ничего!» И тут коляска

подлетает, а в ней фельдъегерь, слышь, из Москвы. В столицу вызывают... Тут Пушкин даже палку выронил. Потом эдак вздохнул чуточку и говорит: «Едем! Так твою растак всю! Я свободен. Сейчас едем. В Москву!» А фельдъегерь-то ему, не желают ли они домой заехать в Михайловское, так Александра Сергеевича и руками замаяхал: «В Москву!.. в Москву! Катил». Да в коляску и сел. Я ему и палку подал. Так и укатил из наших мест. Вот так-то...»

А вот эту легенду записал Чернышев в 1928 году в здешней деревне Бустыги, со слов деда Семена Егорова. «Было

это на Поклонной горке, тут люди на кресте молились, когда из лесу выходили. И вот тут очень любил сидеть Александр Сергеевич Пушкин. Сидел он и думы думал. Вот раз он и видит: идет народ на покос на барские луга, крепостные, значит, много-много народу, и все на одного господина работают. И стал жалеть, что люди даром работают. Вот он и решил выдумать, как избавить народ; сочинил бумагу, что нужно невольникам дать свободу. Узнал про это царь и шлет в Михайловское телеграмму, чтобы Пушкин немедленно скачал в столицу, потому что они все запутались. Ну, Пушкин поехал. Царь сперва скривился, но потом подписал, господа тоже подписали, синод согласился. А как подписать-то? Пушкин и говорит: «Подписать ее надо, не вынимая из-под стола». Когда все подписали, то увидели, что это воля крестьянам. Тут уж им крыть нечем, дело было сделано по всей форме».

А вот этот рассказ записан мною уже в наши дни со слов одного старика из деревни Зимари, что напротив Михайловского за рекой Соротью, П. Кондратьева.

«...Жил в те времена в деревне Воронице колдун по прозвищу дед Гаврила по фамилии Поников. Он все умел делать. И болезни лечить, и нахождение потерь обнаруживать, и зубы заговаривать, и по бабей части беспорядок из семьи выводить. Жил Гаврила за околлицей слободы, в месте, которое прозывалось Каты — это место было на Воронице палаческое, здесь в старину палач жил. Еще недавно оно было в целости и даже старый дом-развалюха стоял. Его разобрали лет десять тому назад. Теперь название места только и сохранилось. Пушкин часто сюда хаживал по своим лечебным и колдовским делам и обо всем советовался с дедом, и когда болезни его джюже одолевали, и особенно когда пришла к нему досада на прохвоста Даника, который его и убил. Об этом хорошо рассказывал дед, который женил-

ся на дочке катовского знахаря. Рассказывала дочка попа Ларивона с Вороницы, Акулина, который был по прозвищу Шкода, на которого начальством было возложено наблюдение и ответственность за колдуном. Она ведь умерла уже при Советской власти. Умер и Гаврила уже при Советской власти. Стар был — годов не счесть. Всех, кто из семьи Катов, на погосте Воронице хоронить церква не разрешала. Гаврилу похоронили в Михайловском, где у озера Маленец была «скупельня», то есть место погребения «нечестивых, убийц и разных убогих», «непоминающих родства, неизвестно откуда пришедших людей или тайно убиенных помещиками своих рабов».

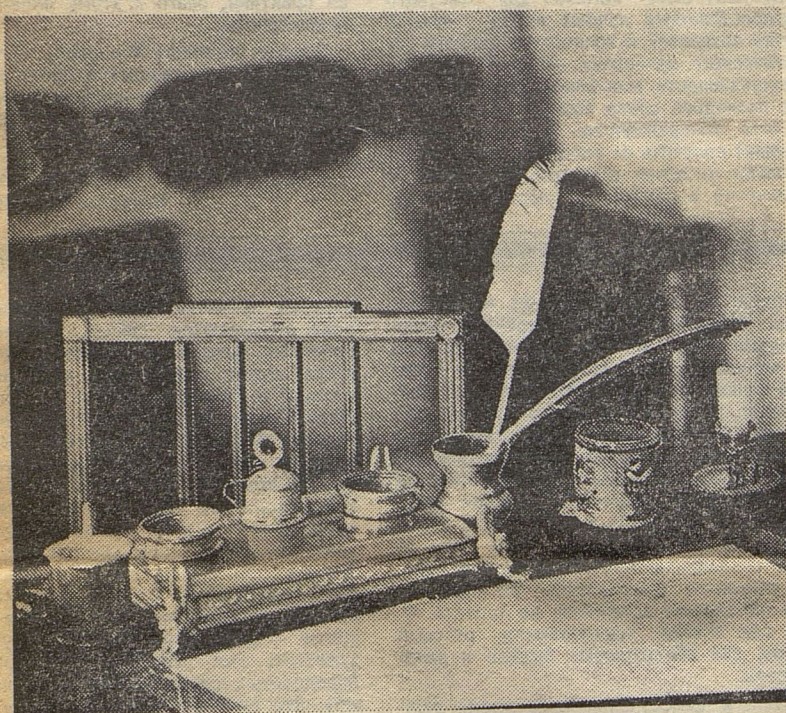
В сказаниях и легендах здешнего народа есть все о Пушкине — и о детстве, и годах его ссылки, его друзьях, братьях и товарищах, его грусти, мечтаниях; рассказы о живодерах-помещиках — доносителях, о ненависти и злобе на поэта царя и его приспешников, о том, как Пушкин погиб от злодейской руки Дантеса и как его спешно похоронили в Святых Горах. Есть рассказы и о бедах, пришедших на пушкинскую землю в годы Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы пытались уничтожить все пушкинское — и его могилу, и его памятники, и здешних людей, свято хранивших воспоминания о нем, все вещественные следы его неповторимой жизни.

Во всех народных легендах о Пушкине почти всегда вплеталась сказочная нить, усиливающая близость Пушкина к простым людям, доверчивость и любовь народа к его светлему имени. Такова природа русского человека — сказочника-летописца. В этом и есть суть «русского духа» — основы основ нашей великой Родины.

НА СНИМКАХ:

- Рабочий стол поэта.
- Аллея Керн.
- Михайловское, февраль.

Фото В. Ахловой.

крестьянскую толпу настолько, что мужики свободно говорили с ним обо всем. Это всегдашнее стремление Пушкина сблизиться с народом, войти в его душевный мир, стало у поэта особенно сильным во время пребывания его в Михайловском в годы ссылки. Отношение его к крестьянам родительской вотчины было особенно мягким и гуманным. Он освободил их от барщины. У него искали они защиты и правды. Когда они ему пожаловались на управительницу имением Розу Григорьевну Горскую, что она незаконно притесняет их и обворовывает, он назначил из этих крестьян специальный комитет и в конце концов, к вящей радости пострадавших, выгнал Горскую из Михайловского.

В бюджете Пушкина труд михайловских крестьян не играл никакой роли. Он говорил: «Я богат через свою стихийную торговлю, а не прадедовскими вотчинами». Народ внимательно наблюдал за тем, как Пушкин работал, как он писал, дивился Пушкину, временами сочинял про него увлекательные сказки.

Много воспоминаний о сердечных встречах Пушкина с простыми людьми осталось в памяти тогдашнего Святогорья.

К сожалению, вследствие барского отношения первых биографов Пушкина к «подлому сословию» крепостных крестьян и вообще к простому люду записи рассказов их не производились. И лишь

много-много лет спустя после гибели Пушкина исследователи стали собирать и изучать эти рассказы. Но неграмотный народ бережно хранил в своей памяти образ Пушкина. Рассказы эти передавались из уст в уста... Они несомненно правдиво передают чувство признательности и уважения к человеку, исполненному благородства, гуманности и любви к народу и труду. Большинство здешних рассказов и легенд о Пушкине записано в конце XIX — начале XX века. В советское время много легенд отыскал в 30-х годах член-корреспондент Академии наук В. И. Чернышев. Книга его «Сказки и легенды Пушкинских мест» издана Академией в 1950 году. Несколько легенд записано в самое недавнее время сотрудниками Пушкинского музея-заповедника, в том числе лично мною.

Вот, например, рассказ крестьянина Ивана Павлова — столетнего старика, лежавшего на печи уже много лет. Словно в прошлое глядя перед собой почти совсем незрячими глазами, старик рассказывал: «Чего ж мне не поминать Александра Сергеевича-то, коли я с ним не раз и купался в речке-то Сороти. В жаркие дни он купаться любил. В те поры я уже землю пахал... Стал быть, на возраст был. Мужики наши Александру Сергеевича кругом одобряли, потому что разговорчивый он был на все добрые дела... Одним словом, человек умственный

